

Т. В. Андреева

На службе России: государственные деятели шведско-финского происхождения в XIX — начале XX в.

Вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи не только качественно изменило политическую и идеологическую составляющие в имперской политике самодержавия, но и предоставило возможность сделать государственную карьеру для представителей высшего финляндского сословия. Приобретение территории, имевшей унаследованную от Швеции конституцию, устоявшиеся традиции сословно-представительного правления, развитую структуру административного управления, поставило перед российской властью две важнейшие задачи: во-первых, определения государственно-правового статуса Финляндии, и во-вторых, постепенного сближения ее государственных институтов с российскими, формирования новой финляндской бюрократии. Первая задача была решена еще с эпохи Александра I в рамках либерально-конституционной идеологии, обусловившей государственно-правовую и финансовую автономию Великого княжества Финляндского. Однако автономный статус Финляндии в составе империи не основывался на фундаментальной законодательной базе, а его практическая реализация в разных исторических условиях была различной. В силу этого решение второй задачи во многом было связано с деятельностью бюрократической элиты шведско-финского происхождения. Неудивительно, что весь имперский период истории Финляндии верховная власть, рассматривая ее как внутривнутрироссийский субъект, способствовала карьерной динамике финских чиновников, ввела их в состав высшей бюрократии России.

Устойчивая традиция изучения управленческой элиты Российской империи XIX — начала XX в. складывается в 1970-е гг., когда оформилось историографическое направление во главе с П. А. Зайончковским, монография которого «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» (М., 1978) открыла дорогу исследованиям, посвященным устройству системы управления и отличительным особенностям аппарата власти в различные периоды его истории¹. Сегодня ученики и последователи ученого, продолжающие работать в рамках данного направления, изучают правительственную элиту в широком аспекте как особую социальную группу и в узком — применительно к жизни и государственной деятельности ее выдающихся представителей. Анализ высшей бюрократии различных категорий в XIX — начале XX в. обусловил общее представление историков, что в процессе социальной эволюции она превратилась в корпорацию просвещенного, профессионального чиновничества, отличительной особенностью которого было высшее образование и четкая профессионализация². Однако вопрос о том, насколько эти качественные изменения были характерны для группы государственных деятелей шведско-финского происхождения, не был предметом специального изучения. Современные ведущие историки Финляндии М. Клинге и О. Юссила рассматривают феномен новой бюрократии Великого княжества Финляндского лишь в общем контексте его имперской истории и связи с культурным, общественно-политическим и военным вкладом финнов в «имперскую копилку»³.

Данная статья посвящена изучению политических и служебных биографий сановников, выходцев из Финляндии, являвшихся в XIX — начале XX в. членами Государственного совета, выявлению факторов их карьерного роста в структуре административных институтов Российской империи, рассмотрению основных принципов кадровой политики имперской власти в контексте высшей финляндской бюрократии, определению социально-политических обоснований ее службы России.

Анализ справочников «Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник» (СПб., 2001) и «Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник» (СПб., 2007) дает основание заключить, что среди корпуса сановничества имперской России в XIX — начале XX в. было 19 выходцев из Финляндии.

Их можно разделить на две категории и три группы.

К первой категории относятся представители или потомки шведско-финских дворянских родов, принявших российское подданство и состоявших на имперской службе со второй половины XVIII в. Вторую, более многочисленную, составляют сановники, высшие администраторы, военачальники, сделавшие государственную или военную карьеру в результате присоединения Финляндии к России в 1809 г.

В первую группу входят министры, относящиеся главным образом к первой категории и возглавлявшие различные министерства со времени создания министерской системы в 1802 г. до распада российской имперской государственности в 1917 г. Вторая и третья группы почти полностью относятся ко второй категории. Вторая группа состоит из руководителей высшей администрации Великого княжества Финляндского, входивших в правительственный аппарат России в XIX — начале XX в. К третьей группе относятся военачальники, командовавшие крупными соединениями российской армии или родами войск.

Государственный совет в процессе инкорпорации элиты дворянства Финляндии в административную систему России

Отличительной особенностью представителей всех трех указанных групп было приобретение ими в разные исторические эпохи и на различных поприщах российской гражданской или военной службы высшего административного статуса как членов Государственного совета. В огромной мере это было связано с особой имперской политикой в отношении Финляндии.

Великое княжество Финляндское было создано по условиям Фридрихсгамского трактата 5 сентября 1809 г. Александр I, стремясь утвердить приобретенную территорию за Россией, укрепить лояльность финнов, особенно элиты края — шведов, предоставил княжеству автономный государственно-правовой статус. Законодательная сфера базировалась на шведском государственном праве с его принципом ограничения власти монарха сословно-представительным учреждением — Сеймом. Впервые в истории Финляндии была создана собственная верховная администрация — коллегиальный Правительственный совет, в 1816 г. переименованный в Сенат, а также институт генерал-губернаторов и статс-секретарей. Но самое главное — Финляндское княжество вошло в состав Российской империи на основании «персональной унии» о союзнических отношениях, что демпфировало государственную идею «единой и неделимой России». В царствование Николая I финляндская политика стала осуществляться в рамках «многонациональной династической унии» и была направлена на сближение финского общества с Россией, культурное и экономическое процветание края без развития политических процессов⁴. Этому способствовали Польское восстание 1830–1831 гг. и связанная с ним лояльная пророссийская позиция финляндцев. Не вызывает сомнений тот факт, что как Польша, так и Финляндия претендовали на подъем своей автономии, а в перспективе — суверенитет. Однако эволюция государственно-правового статуса обеих национальных окраин в николаевскую эпоху была не идентична. Польша, имея территориальные притязания и желая восстановить национальную независимость, использовала незаконные, насильственные способы ее достижения.

Финляндия же стремилась сохранить *status quo* в территориальном и политическом аспектах и законным путем пыталась формировать правовые основы своей обособленности. Поэтому закономерно, что в то время, когда Царство Польское потеряло свою автономию, Финляндское княжество — ее упрочило. Причем в подавлении «польского мятежа» и штурме Варшавы 25–26 августа 1831 г. принял участие лейб-гвардии Финляндский стрелковый батальон во главе с флигель-адъютантом Николая I, полковником А. Э. Рамзаем⁵.

Новая эпоха в имперской истории Финляндии началась со вступлением на престол Александра II, который уделял ей особое внимание в связи с геополитическими интересами России и государственной безопасностью. Придавая большое значение Финляндскому княжеству в контексте международных позиций империи и обороны ее северо-западного пограничья, император стремился гармонизировать финляндскую политику. В 1850–1860-е гг. шло форсированное развитие финской государственности, становление национального самосознания финнов, начата ускоренная политико-административная и финансово-экономическая модернизация края как составная часть российского реформаторского процесса.

Однако только при Александре III, в 1886 г., финляндскому Сейму было предоставлено право законодательной инициативы, и установлена четкая периодичность его созыва — один раз в каждые три года. И хотя император считал необходимым сближение финляндской и российской банковской и таможенной систем, в целом автономные привилегии Финляндии им были сохранены и позже подтверждены Николаем II. До 1917 г. у Великого княжества Финляндского сохранялась особая администрация во главе с Сенатом, генерал-губернатором и институтом статс-секретариата, существовали собственные порядок воинской повинности и денежная единица (до 1840 г. шведская крона). Поскольку автономия Великого княжества Финляндского не базировалась на едином фундаментальном законодательстве, то вопрос о ее законодательном оформлении, давно стоявший перед имперской властью, рассматривался при подготовке Основных государственных законов 1906 г. Дискуссия, происходившая в бюрократической среде с октября 1905 по апрель 1906 г., выявила различные позиции — от «личной унии до областной автономии». В окончательной редакции законов 23 апреля 1906 г. утверждалось: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства»⁶. Итак, впервые почти за вековые взаимоотношения между империей и ее северной окраиной был юридически закреплён государственно-правовой статус Финляндии. Это было направлено на укрепление положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.

Сближение Финляндии и России виделось путем усиления и расширения не только их экономических, культурных, но и административных связей. В данном контексте следует рассматривать введение шведско-финской элиты

в состав общероссийской сановной корпорации, прежде всего в Государственный совет. Созданный 30 марта 1801 г. и модернизированный 1 января 1810 г., Совет являлся постоянно действующим высшим законосовещательным учреждением Российской империи. С образованием Государственного совета вводился новый принцип осуществления монархом властных полномочий — не через узкий круг доверенных лиц, а посредством учреждений, поскольку доминирование при Екатерине II и Павле I личного начала в администрировании ослабило управленческие возможности правительственного аппарата. Министры являлись членами Государственного совета по должности, наделялись правом законодательной инициативы, руководители важнейших центральных ведомств имели товарищей (заместителей). С царствования Николая I, придававшего большое значение Государственному совету в законодательном процессе и рассматривавшего советников как экспертов по вопросам текущего законодательства, роль Совета в системе взаимодействия государственных органов возросла. Уставной акт от 15 апреля 1842 г. «Учреждение Государственного совета» закреплял его статус высшего законосовещательного учреждения, регламентировал взаимоотношения с министрами, которые являлись советниками «по их званию», а в случае отсутствия руководителей центральных ведомств их функции в Совете исполняли товарищи⁷.

В силу этого представители первой из указанных выше групп должны были по закону становиться советниками, получив должность российских министров. Однако на практике все было сложнее. Во-первых, некоторые чиновники шведско-финского происхождения, как и российские, определялись членами Государственного совета еще до получения министерского портфеля. Первым членом Государственного совета — выходцем из Финляндии 22 июня 1804 г. стал барон А. Я. Будберг. Однако его назначение обуславливалось не принадлежностью к министерской корпорации (министром иностранных дел он стал через два года, в 1806 г.), а успешной дипломатической и военно-административной деятельностью. Российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швеции в 1796–1803 гг., санкт-петербургский военный губернатор в 1803–1804 гг., он являлся влиятельным александровским советником вплоть до своей смерти в 1812 г. В. Ф. и А. В. Адлерберги вошли в состав Государственного совета еще до начала их службы во главе Министерства императорского двора: первый — 27 марта 1842 г., второй — 28 октября 1866 г. А. П. Николаи являлся советником с 30 августа 1875 г., а стал министром народного просвещения только через шесть лет — 24 марта 1881 г. Назначение указанных выше лиц советниками до вступления их в должность министров было обусловлено как близостью к монархам, нашедшей отражение в звании адъютантов в великокняжеский период, а затем флигель-адъютантов, генерал-адъютантов и статс-секретарей его императорского величества, длительным исполнением ими полномочий товарищей министров и докладчиков императорам по министерствам, так и вхождением их матерей, жен и дочерей в штат статс-дам и фрейлин⁸.

Во-вторых, сановники — выходцы из Финляндии иногда приобретали статус советников уже после их министерской карьеры. Министр статс-секретарь К. К. Линдер был назначен членом Государственного совета в день его отставки — 15 ноября 1905 г. Адмирал Ф. К. Авелан стал советником по назначению почти через десять лет после своего руководства Морским министерством — 11 ноября 1914 г. С конца XIX в. личный состав Совета стал пополняться не только за счет министров и главноуправляющих, но и товарищей руководителей наиболее важных министерств. Но и они часто становились советниками не в связи с назначением, а гораздо позже. Вице-адмирал О. К. Кремер, с 1889 по 1896 г. не раз замещавший морского министра Н. М. Чихачева, был определен членом Государственного совета только 14 мая 1896 г. Назначенный 20 ноября 1899 г. товарищем министра земледелия А. С. Ермолова А. Х. Стевен стал советником лишь 6 декабря 1904 г. Следует особо подчеркнуть, что уволенные от должности бывшие министры и их товарищи оставались или становились членами Государственного совета, поскольку это являлось обычным способом сохранения высокого административного статуса и пенсионного обеспечения отставников такого ранга. Причем содержание их было из бюджета Совета: министры получали от 18 тыс., их товарищи — 12 тыс. руб. в год⁹.

В-третьих, только некоторые представители высшей бюрократии шведско-финского происхождения становились членами Государственного совета «по званию министра» в день назначения — В. Б. Фредерикс 6 мая 1897 г., или почти сразу после получения министерского портфеля — А. Ф. Редигер 3 ноября 1905 г. В собственноручном повелении Николая II от 2 ноября того же года по поводу назначения Редигера советником подчеркнуто, что это сделано «с целью укрепления положения Военного министерства»¹⁰.

Редигер и Фредерикс как министры наиболее влиятельных Министерства императорского двора и Военного ведомства были привлечены к разработке реформы Государственного совета в ее антидумском смысле. Они являлись членами Особого совещания при Совете, созданного под председательством его главы Д. М. Сольского 28 октября 1905 г. и разрабатывавшего «необходимые изменения в действующем учреждении Государственного совета». Помимо этого, данные министры участвовали в царскосельском совещании, сформированном под председательством самого Николая II 11 февраля 1906 г. и заседавшем 14 и 16 февраля того же года «для рассмотрения предположений о способах осуществления манифеста 17 декабря 1905 г. и преобразованиях в действующих учреждениях Государственного совета и Государственной думы»¹¹. Результатом царскосельского совещания явились окончательные редакции актов 20 февраля 1906 г.: манифеста и указов о переустройстве Совета и Думы¹².

Реформа Государственного совета, который стал второй, равноправной Государственной думе законодательной инстанцией, т.е. фактически верхней палатой российского парламента, коснулась не только министров шведско-финского происхождения, но и их товарищей и министров статс-секретарей,

входивших в корпус только «назначенных» и «присутствующих» советников. Назначение в преобразованный Совет представителей бюрократической элиты Финляндии обуславливалось не только их «особыми трудами и познаниями в области государственного управления», административным статусом, возрастом (от 42 до 69 лет) и образованием (высшим и «хорошим домашним»), но и политическими взглядами. Так, Редигер и Фредерикс принадлежали к его консервативной части — правой группе (31,8%), объединявшей сторонников правительства, государственников, выступавших за сохранение самодержавной системы. Оппоненты прогрессивного блока, они стремились остановить процесс сползания России в конституционную монархию, в «настоящий парламентский режим»¹³. Хотя Фредерикс часто отсутствовал на заседаниях Совета, сопровождая Николая II в его поездках по России и за границу, он реально являлся одним из руководителей консервативной «придворной партии». Вначале он был даже противником манифеста 17 октября 1905 г., полагая, что установление диктатуры во главе с великим князем Николаем Николаевичем приведет к социально-политической стабильности в России, но затем принял манифест в редакции С. Ю. Витте. С началом Февральской революции министр императорского двора был арестован в числе членов правого крыла Государственного совета. Редигера не арестовали в дни Февраля, хотя он не поддерживал «огульную ломку» прежнего порядка, опасался дальнейшего расширения и углубления революции. Вместе с тем Редигер считал, что она явилась «естественным и справедливым возмездием государю за совершенные им ошибки»¹⁴.

«Назначенные к присутствию» в 1906–1908 гг. в Государственном совете министр статс-секретарь К. К. Линдер и товарищ министра земледелия А. Х. Стевен входили в самую большую партию Совета — группу центра (62,2%). Важнейшей политической задачей ее программы определялось развитие в государственном строе России «конституционно-монархических начал», самоуправления и народного просвещения. Считая первую Думу «революционной и неработоспособной», они требовали проведения новых думских выборов на основании нового избирательного закона. Однако отсутствие партийной монолитности и дисциплины, связанное с разношерстностью и рыхлостью состава, обусловило аморфность группы центра, хотя и с доминирующим октябристско-кадетским направлением¹⁵.

Что же касается членов Государственного совета — представителей второй группы выходцев из Финляндии, т. е. ее высшей администрации, то они тем более редко становились советниками сразу после назначения. Только Г. М. Армфельт стал членом Совета через несколько месяцев после того, как был назначен председателем Комиссии финляндских дел — 3 апреля 1812 г. Однако уже с царствования Николая I министры статс-секретари Великого княжества Финляндского, а также их товарищи «жаловались» членами Государственного совета не по должности, а «за долговременную и беспорочную службу на поприще финляндской государственности». Причем Р. И. Ребиндер был опреде-

лен незадолго до смерти — 9 января 1841 г. и только «присутствующим», «без звания советника»¹⁶. А. Г. Армфельт назначен членом Совета лишь 26 августа 1856 г. «в воздаяние отлично усердной и полезной его службы»¹⁷, так же как Л. Г. Гартман (17.04.1858) и К. К. Линдер (15.11.1905). Финляндский генерал-губернатор Н. В. Адлерберг стал членом Государственного совета в день своей отставки, 22 мая 1881 г.

Но и представители третьей группы, т. е. военно-административной элиты шведско-финского происхождения, получали звание советников «за заслуги перед Отечеством». И хотя в течение второй половины XIX — начала XX в. происходила постепенная демилитаризация высшей бюрократии России, число военных членов Государственного совета постоянно сокращалось¹⁸, введение в состав высшего государственного учреждения Российской империи заслуженных финнов — П. Х. Сухтелена, П. А. Граббе, А. Э. Рамзая, О. К. Гриппенберга — отражало стабильность имперской политики в отношении Финляндии.

Факторы карьерной динамики высшей бюрократии шведско-финского происхождения в XIX — начале XX в.

На протяжении XIX — начала XX в. происходила профессионализация управленческой элиты Российской империи, находившая отражение в увеличении числа сановников, получивших высшее образование и имевших опыт административной или военно-административной деятельности. Устойчивое влияние на карьерный успех оказывал тип полученного образования. Специализированные элитные военные или гражданские учебные заведения, готовившие военачальников и чиновников государственного уровня, давали больше возможностей, чем университетское образование¹⁹. В полной мере это можно отнести и к бюрократии шведско-финского происхождения.

Образование. Большинство сановников — выходцев из Финляндии имело высшее образование. Российское элитное гражданское или военное получили российские министры — В. Ф. и А. В. Адлерберги (Пажеский его императорского величества корпус), Николаи (Императорский Царскосельский лицей), Авелан (Морской кадетский корпус), товарищ министра Кремер (Александровский кадетский корпус), генерал-губернатор Н. В. Адлерберг (Пажеский его императорского величества корпус), а также военачальники — Рамзай (Пажеский его императорского величества корпус) и Граббе (Сухопутный кадетский корпус). При этом выпускники привилегированных учебных заведений имели различные политические ориентации. Если Пажеский корпус во многом определил монархическо-государственнические воззрения Адлербергов и Рамзая, то «либеральный мед» Лицея сформировал реформаторские тенденции в политическом мировоззрении Николаи. Стевен, окончивший физико-математический факультет Петербургского университета, был приверженцем

конституционно-монархических идей. Финское высшее образование имели министры статс-секретари — Г. М. и А. Г. Армфельты, Ребиндер и его помощник — Гартман, окончившие Абоский университет. Редигер воспитывался в Финляндском кадетском корпусе, затем обучался в Николаевской академии Генерального штаба, став в 1884 г. ее профессором. Сухтелен окончил математический факультет Гронингенского университета. Домашнее образование или в частном учебном заведении имели Будберг, Гриппенберг, Линдер, Фредерикс.

Национальность. Что касается национальных корней, то большая часть финского сановничества принадлежала к шведским дворянским родам — Адлерберги, Армфельты, Будберг, Граббе, Гриппенберг, Николаи, Фредерикс. И это было вполне закономерно. На протяжении всего XIX столетия шведский язык оставался основным в системе образования и управленческой практике Финляндии, а его носители являлись представителями ее культуры и просвещения. Знание языка элиты края оставалось необходимым условием для занятия государственных должностей и вхождения в высшие слои финляндского общества, хотя уже с царствования Александра II финский язык стал официальным наряду со шведским. Важнейшей целью «эмансипации» финского языка в начале 1860-х гг. являлось выведение Финляндии из того «общественного брожения», в котором она находилась, однако это не умаляет исторического значения ее национальной мобилизации. Представителями финского дворянства являлись Авелан, Гартман, Кремер, Линдер, Редигер, Стевен²⁰. Рамзай был выходцем из шотландского дворянского рода, Ребиндер — немецкого, Сухтелен — голландского, в XV–XVII вв. переселившихся в Финляндию.

Социальное происхождение государственных деятелей шведско-финского происхождения свидетельствует об эволюции высшей имперской бюрократии в сторону уменьшения в ней представителей дворянской аристократии. Из 19 сановников лишь половина представляла титулованное дворянство Швеции и Финляндии. К потомственным шведским баронским родам относились Будберг и Армфельты, с 1812 г. ставшие российскими графами. Тогда как Адлерберги, Гартман, Граббе, Николаи, Рамзай, Ребиндер, Сухтелен, Фредерикс получили баронские или графские титулы от российских императоров.

Имущественное положение представителей новой бюрократии Финляндии не оказывало значительного влияния на их карьерную динамику. И это было вполне объективно, поскольку удельный вес крупных земельных собственников в составе Государственного совета в течение XIX в. уменьшился в пять раз²¹. Лишь три советника шведско-финского происхождения владели более чем 20 тыс. десятин земли в нескольких великорусских губерниях — А. В. и Н. В. Адлерберги и Фредерикс. Однако это были родовые, а не приобретенные имения. Последние отличались гораздо меньшим размером (от 500 до 10 тыс. десятин) и принадлежали большинству сановников только в Финляндии. Рамзай помимо финского имения владел майоратом

в Царстве Польском. Будберг, Кремер, Редигер вообще не являлись земельными собственниками.

Административная деятельность. Анализ биографических данных представителей высшей финляндской бюрократии свидетельствует об устойчивом влиянии на их карьерный успех временного исполнения ими обязанностей управляющих министерствами. В. Ф. Адлерберг с 1845 по 1852 г., А. В. Адлерберг с 1860 по 1870 г. постоянно «временно докладывали» по делам Министерства императорского двора. Фредерикс, будучи помощником И. И. Воронцова-Дашкова, в 1894–1896 гг. возглавлял Министерство императорского двора в отсутствие постоянно болевшего министра. Авелан не раз «временно управлял» Морским министерством в 1898–1903 гг. Редигер в марте — июне 1905 г. исполнял обязанности военного министра.

Вероисповедный аспект портрета указанных государственных деятелей вполне ожидаем: почти все сановники шведско-финского происхождения были лютеранами. Исключениями являются Н. В. Адлерберг, который был православным, и Редигер, незадолго до смерти в 1914 г. принявший православие.

Российские министры шведско-финского происхождения

Стержневой основой системы центрального управления в имперской России была связка: император — министр. Министр являлся не только основным поставщиком важнейшей информации о той или иной сфере государственной или общественной жизни, главным докладчиком императору, но и посредником между ним и администрацией разного уровня. В силу этого на практике реализация принципа самодержавия, объективно ограниченная явлениями экономического и социального развития российского общества, субъективно была парализована, по словам П. А. Валуева, «министерской олигархией». Об этом же писал известный экономист, директор III департамента Министерства государственных имуществ Н. А. Жеребцов: «Министр по свойству своего звания есть уже самовластный исполнитель или закона — там, где есть другая власть, наблюдающая за ним и ревнующая его власти, или собственного произвола — там, где нет ревнующего наблюдателя. Самодержавный государь по обширности занятий своих не может в подробности наблюдать за каждым министерским действием, а министры друг друга нигде не выдадут»²².

При этом профессионализм и самостоятельность в проведении своих государственных взглядов, а также стремление совершенствовать работу бюрократического аппарата, являвшиеся важнейшими факторами служебного успеха сановников²³, не всегда были главными качествами министров, в том числе шведско-финского происхождения. В кадровой политике в отношении выходцев из Финляндии большую роль играли неформальные, межличностные отношения, индивидуальные предпочтения и пристрастия представителей царствующей династии.

Андрей Яковлевич (Андрей Эбергард) Будберг (1750–1812) сменил 17 июня 1806 г. на посту министра иностранных дел князя Адама Чарторыйского. По словам Ф. Ф. Вигеля, Александр I сместил князя, «уступая силе общего мнения»²⁴. Однако в большей степени это было связано с тем фактом, что борьба с Наполеоном потребовала военного союза с Пруссией, а Чарторыйский являлся противником этого сближения. Поэтому Будберг был избран императором как сторонник российско-прусского объединения и продолжения борьбы с императорской Францией. Сокрушительное поражение Пруссии и заключение Тильзитского мира обусловили новую рокировку. 30 августа 1807 г. управление Министерством иностранных дел было передано гр. Н. П. Румянцеву — стороннику нового союза с Францией. И все же Будберг в недолгий период своего министерства успел усовершенствовать работу иностранного ведомства, придать ему новую организацию в виде четырех отделений и начать работу по систематизации дипломатической переписки²⁵.

Возвышению династии Адлербергов и приближению ее к императорскому дому способствовало назначение вдовы Выборгского коменданта Ю. Ф. Адлерберг гувернанткой великого князя Николая Павловича. С 1802 по 1839 г. начальница Смольного института, с 1824 г. статс-дама, «перед которой все стояли навтыяжку»²⁶, она вошла в доверие вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В результате ее сын Владимир Федорович (Эдуард Фердинанд Вольдемар) Адлерберг (1791–1884) стал «другом юности» великого князя и будущего императора Николая Павловича. Поэтому во многом служебная карьера и влияние при дворе Адлерберга определялись личным расположением к нему как Николая I, так и Александра II, стремившихся окружать себя доверенными и близкими людьми. Адъютант великого князя Николая Павловича, с восшествием на престол Николая I Адлерберг в 1827 г. стал начальником Военно-походной канцелярии и командующим Главной квартирой его императорского величества, в 1842 г. сменил А. Н. Голицына на посту начальника Почтового департамента. По мнению эмигранта П. В. Долгорукова, старший Адлерберг отличался «полной, совершенной, безграничной бездарностью»²⁷, тем не менее Николай I 30 августа 1852 г. назначил его министром императорского двора. Хотя роль нового министра двора в управленческой системе России и большой политике не выходила за рамки должности, Адлерберг сохранил свое министерское кресло до 17 апреля 1870 г. Особенность должностного положения и то место, которое он занимал в личных привязанностях императоров, накладывали отпечаток на его служебную деятельность. Ежедневно представляя всеподданнейшие доклады по своему министерству и постоянно находясь при монархах в их бесконечных поездках по России и за границей, граф не мог уделять достаточного внимания дворцовому ведомству, тем более его совершенствовать. И все же следует признать, что состав и структура Министерства императорского двора, принципы его организации, традиции и обычаи, в которых доминировали национальные

и православные элементы, были сформированы именно в годы управления В. Ф. Адлерберга²⁸.

Сменивший Владимира Федоровича на министерском посту его сын Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888) во многом повторил жизненную судьбу и служебный путь отца. После окончания Пажеского корпуса в 1836 г. он был назначен адъютантом великого князя Александра Николаевича. Но уже через несколько лет в 1841 г. Адлерберг предпочел боевые реалии Кавказской войны спокойной службе возле цесаревича. Он состоял при командующем войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанте П. Х. Граббе и участвовал в боевых действиях в Чечне и Дагестане. В 1845 г. Адлерберг вернулся к своим адъютантским обязанностям и сопровождал великого князя по России и Западной Европе, во время Венгерского похода 1849 г. и на маневрах. С восшествием на престол Александра II его карьера также определялась личной близостью к императору. Генерал-адъютант и командующий Главной квартирой его императорского величества, с начала 1860-х гг. он стал замещать больного отца на посту министра императорского двора. 17 апреля 1870 г. Адлерберг становится главой дворцового ведомства. В состав российского правительства он вошел в период замедления реформаторского процесса, усиления консервативной оппозиции в правительственном лагере после покушения Д. В. Каракозова на Александра II. В этой ситуации весьма независимый в сановной среде и достаточно самостоятельный в служебной сфере Адлерберг оставался верен принципам, провозглашенным либеральной программой 1859–1866 гг., поддержал основные идеи М. Т. Лорис-Меликова относительно выхода из внутреннего кризиса²⁹. По отзыву С. Ю. Витте, младший Адлерберг, «человек чрезвычайно умный, талантливый, весьма культурный и во всех отношениях порядочный, был другом императора Александра II и имел на него большое влияние». Однако министр императорского двора не обладал качествами истинного бюрократа, т. е. педантичностью и системностью, «постоянно был запутан денежно», «проживал всегда больше, чем имел», «любил мотать деньги, а потому был всегда в долгах»³⁰. Его подчиненный В. С. Кривенко подчеркивал, что Адлерберг «накапливал целые корзины нерассмотренных деловых бумаг; совершенно не интересовался своим министерством, передавая власть в руки ближайших сотрудников»³¹. Трагическая гибель Александра II предрешила закат министерской карьеры А. В. Адлерберга. 17 августа 1881 г. он был смещен с поста министра двора. Как считал С. Ю. Витте, «моралист» Александр III был недоволен тем, что Адлерберг всю свою жизнь «покрывал» императора Александра II в его отношениях с княгиней Е. М. Долгорукой³².

Министр народного просвещения А. В. Головнин в 1861 г. в качестве товарища избрал своего лицейского однокашника, бывшего попечителя Киевского учебного округа Александра Павловича Николаи (1811–1899). Данный выбор был обусловлен знанием Николаи учебной части и желанием министра со временем передать ему свое министерство. Немаловажными были

«ум, образованность и благородство» избранного, а также качества государственного деятеля — «осторожность и осмотрительность», а потому «способность проводить действительно полезные реформы», а не те, которые проводили «некоторые горячие и неосторожные поклонники прогресса»³³. Головин был уволен от должности министра сразу после выстрела Каракозова, а Николаи возглавил Министерство народного просвещения только 24 марта 1881 г. Получив министерский портфель в период политического кризиса, связанного с убийством Александра II, все свои усилия он направил на стабилизацию социально-политической ситуации в стране путем проведения реформ в сфере народного образования. В апреле 1881 г. Николаи участвовал в обсуждении программы Лорис-Меликова, содержащей предложения о реформе начальной, средней и высшей школы «в интересах общественного порядка» и с целью развития народного образования, и поддержал ее. Однако из-за кратковременности своего управления он не успел претворить в жизнь сколько-нибудь существенные мероприятия. Николаи не смог противостоять натиску партии М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, и «протиснутого» ими нового университетского устава, которым были уничтожены многие «университетские вольности»³⁴, и попросился в отставку. 16 марта 1882 г. его сменил И. Д. Делянов, приверженец консервативно-охранительного курса в политике Министерства народного просвещения. И все же Александр III, ценя профессиональные качества Николаи, в рескрипте на его имя от того же числа указывал: «В затруднительное время, озабоченный выбором твердого и опытного правителя и руководителя в важном деле народного просвещения Я обратился к вашей опытности и к известному Мне в вас чувству патриотического долга. Вы ответили на мой призыв с отличавшею вас всегда готовностью на служение Государю и Отечеству и приняли на себя нелегкий труд восстановления поколебленного в последние годы порядка в учебном деле»³⁵. Позже, в 1884–1889 гг., император доверил Николаи управление Департаментом государственных законов Государственного совета.

С 6 мая 1897 г. возглавлявший Министерство императорского двора Владимир Борисович (Адольф Антон Владимир) Фредерикс (1838–1927), по отзывам современников, был человеком исключительной честности, благородства, порядочности и чувства долга, искренне преданным императорской семье, в которой ему полностью доверяли. Его назначение было связано не только с личными близкими отношениями с Николаем II и особенно с великим князем Николаем Николаевичем, но и со стремлением императора «быть также экономным, как был отец» и его недовольством, как писал Витте, «менторским тоном» И. И. Воронцова-Дашкова³⁶. Принадлежа к придворной партии «абсолютистов», противников государственных преобразований, Фредерикс стремился тормозить правительственную реформаторскую деятельность, будь то подготовка манифеста 17 октября 1905 г. или пересмотр положений о Думе и Государственном совете³⁷. Однако политического влияния на Николая II он

не имел. Витте, имевший с министром Двора личные доверительные и дружеские отношения, как к политику к нему относился весьма скептически: «Фредерикс... лишен способности понимать что-либо мышлением... прекраснейший, благороднейший и честнейший человек — но и только... Ни по своим знаниям, ни способностям, ни по своему уму он не может иметь решительно никакого влияния на государя императора и не может служить ему ни в какой степени советчиком по государственным делам и даже по непосредственному управлению Министерством Двора. По характеру государя императора такой министр Двора представляет собой тип человека, наиболее для императора подходящего»³⁸. Поэтому неудивительно, что Фредерикс сохранял свое министерское кресло 20 лет. В начале марта 1917 г. он был в Ставке и скрепил своей подписью акт об отречении Николая II, а 28 марта Временное правительство уволило его от службы. В 1924 г. Фредериксу было позволено выехать в Финляндию.

Федор Карлович Авелан (1839–1916), прошедший служебный путь от мичмана до адмирала, в 1893 г. командовавший эскадрой в Средиземном море, в 1896–1903 гг. являвшийся начальником Главного морского штаба, возглавил Морское министерство 10 марта 1903 г. Однако его управление ведомством морских сил было недолговременным и не смогло остановить негативные процессы, происходившие на флоте. Согласно характеристике того же Витте, Авелан представлял собою «тип прекрасного человека, человека во всех отношениях порядочного, честного, но в высшей степени ограниченного»³⁹. С моей точки зрения, это противоречит выбору Авелана — после Цусимской катастрофы, считая, что не имеет права управлять Морским министерством, 29 июня 1905 г. он ушел в отставку. Неподготовленность же российского флота к русско-японской войне являлась результатом не столько просчетов Авелана, который предупреждал Николая II, что «флот наш несостоятелен» и его «нельзя отправлять из Балтийского моря к Японии», сколько в целом государственной политики и деятельности его предшественников — Н. М. Чихачева и П. П. Тыртова.

Александр Федорович Редигер (1853–1920), зарекомендовавший себя боевым и хладнокровным командиром в русско-турецкой войне, в 1882 г. в чине подполковника был определен на службу в Болгарию на должность военного министра. Но уже через год вернулся в Россию, был принят на службу, в 1898 г. стал начальником канцелярии Военного министерства. Когда после Первой русской революции встал вопрос о реформировании армии, то военное ведомство поручило разработку преобразовательной программы профессору Академии Генерального штаба генерал-адъютанту Редигеру, 21 июня 1905 г. назначенному управляющим Военным ведомством. Опытный военачальник, за три года он сумел не только восстановить боеспособность войск, подорванную неудачной русско-японской войной и революционной вакханалией, но и подготовить армию к грядущим вооруженным конфликтам. Однако, выполнив свою миссию и получив чин генерала от инфантерии, 11 марта 1909 г. Редигер был уволен от должности военного министра. Хотя в премьерство Витте Редигер

был независим от него, в своих воспоминаниях бывший премьер подчеркивал, что данная отставка была неминуема. Ведь Редигер представлял собой «тип весьма умного, толкового, характерного и энергичного военного генерала», который перед императором не скрывал своего отрицательного отношения к некомпетентности некоторых командующих войсками, прежде всего великого князя Николая Николаевича. Военный министр открыто выражал свое мнение, что Россия проиграла войну с Японией потому, что «у нас не было соответствующих генералов», а «между командующими войсками имеются лица, не вполне соответствующие своему назначению». После чего «нажил ненависть» великого князя Николая Николаевича и имел объяснение с Николаем II, посчитавшим, что «после этого Редигеру трудно оставаться военным министром»⁴⁰. 14 декабря 1917 г. в числе других членов Государственного совета по назначению Редигер был уволен от службы советским правительством.

Институт товарищей министров, получивших по указу 19 февраля 1852 г. право присутствовать в Государственном совете и Комитете министров по всем вообще делам, а не только своих ведомств, со второй половины XIX в. превратился в важное звено министерской системы. Тенденция к расширению компетенции товарищей, обусловленная эволюцией министерств в сторону децентрализации⁴¹, находилась в тесной взаимосвязи с их служебной динамикой. Оскар Карлович Кремер (1829–1904), 17 апреля 1889 г. назначенный замещать Н. М. Чихачева и управлявший Морским министерством в 1889–1896 гг. в отсутствие министра, одновременно являлся начальником Главного Морского штаба. 14 мая 1896 г. он получил чин адмирала и должность советника. В рескрипте на его имя по этому поводу Николай II подчеркивал: «Ныне вы призваны к участию в трудах высшего в империи установления — Государственного Совета, и я надеюсь, что на этом новом поприще вы долгие еще годы будете применять присущие вам просвещенную опытность и разнообразные в делах высшего управления познания»⁴². Александр Христианович Стевен (1844–1910), назначенный 20 ноября 1899 г. товарищем министра земледелия и государственных имуществ и в 1900–1903 гг. не раз возглавлявший Министерство земледелия из-за болезни А. С. Ермолова, незадолго до этого был пожалован в гофмейстеры.

Высшая администрация Великого княжества Финляндского

Управление Финляндией весь имперский период ее истории базировалось на соединении конституционной формы правления, согласно «Акту соединения и безопасности» Густава III 1789 г., и авторитарного типа управления посредством генерал-губернаторов и статс-секретарей. После создания Великого княжества Финляндского его высшим административным органом являлась Комиссия финляндских дел, находившаяся в российской столице.

До весны 1811 г. ее председателем был М. М. Сперанский, еще до окончания русско-шведской войны разработавший концепцию «персональной унии» Финляндии. В письме от 16 марта 1811 г. министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому он подчеркивал, что «Финляндское государство, имеющее особенную Государственную конституцию и правовую автономию, не входит в число российских губерний»⁴³.

20 октября 1811 г. во главе Комиссии был поставлен Г. М. Армфельт, одновременно исполнявший должность финляндского генерал-губернатора⁴⁴. И хотя его последователи — статс-секретари — имели близкие и доверительные отношения с монархами, являлись влиятельными чиновниками, их соперничество с генерал-губернаторами было неизбежно. С наибольшей яркостью это нашло отражение в противостоянии Р. И. Ребиндера и А. А. Закревского. «Двоевластие» сохранялось, финляндское государство управлялось как из Петербурга, так и Хельсинки.

17 марта 1826 г. Комиссия финляндских дел была упразднена, и учрежден институт статс-секретариата Великого княжества Финляндского, который, в отличие от польского, уничтоженного в 1831 г., просуществовал до 1917 г. В секретариат поступали и передавались на рассмотрение императора все дела, исходящие от финляндского Сената и генерал-губернаторов. Статс-секретари, с 23 декабря 1834 г. министры статс-секретари, подготавливали для всеподданнейших докладов все материалы, относящиеся к управлению Финляндией, и передавали финляндским и российским учреждениям распоряжения верховной власти. Являясь носителями воли императора и проводниками имперской политики, весь XIX — начало XX в. они сохраняли ключевую роль в управленческом процессе. В 1857–1891 гг. при статс-секретариате действовал Комитет финляндских дел, состоявший из двух финских и одного имперского представителя. Его деятельность была направлена на согласование интересов Финляндии и России и заключалась в предварительном обсуждении наиболее важных дел, представлявшихся затем императорам. Преемственность политики в отношении Великого княжества Финляндского находила отражение в продолжительном пребывании на посту министров статс-секретарей представителей финской управленческой элиты, обладавших лучшими качествами просвещенной бюрократии — образованием, работоспособностью, исполнительностью.

Как уже отмечалось, первым высшим администратором шведско-финского происхождения, представлявшим Финляндию в Петербурге, был шведский барон Густав Мориц (Максимович) Армфельт (1757–1814). Его соперничество со Сперанским за право быть ближайшим советником и докладчиком императору по финляндским делам во многом обусловило удаление реформатора с политической арены, в то время как сам Армфельт получил чин генерала от инфантерии и приобрел графский титул, что демонстрировало хорошее положение финляндских дел в глазах Александра I. Во время европейского похода назначенный состоять при императоре, граф внимательно следил за военными

событиями в Европе и имел свою политическую программу. По мнению Армфельта, Александру I после войны следовало «дать полякам их политическое существование» и объявить себя и своих преемников «королями Польши»; утвердить в Германии конфедерацию, т.е. форму правления «более самостоятельную естественную и менее опасную»; вознаградить Швецию за Финляндию, сделав ее «морской силой, дабы в будущем она не могла давать России каких-либо забот». В начале апреля 1813 г. Армфельт представил Александру I свою «политическую меморию» с указанными идеями, но битвы при Люцене и Бауцене продемонстрировали, что до мира было еще далеко. После взятия Парижа Армфельт вновь вернулся к своей «мемории». Считая, что Польшей нельзя управлять, как Финляндией, и опасаясь, что за образец государственно-правовой организации будущего Польского королевства будет взята финляндская модель, он писал императору: «Местное управление в Варшаве по примеру Финляндии было бы величайшей бессмыслицей»⁴⁵. 15 ноября 1815 г. была обнародована «Конституционная хартия Царства Польского», согласно которой Польша присоединялась к Российской империи как автономное конституционное образование. Однако Армфельту не суждено было дожить до этого события. 7 августа 1814 г. он скончался в своем имении в Царском Селе и был похоронен в Або.

Его дело продолжил Роберт Иванович (Роберт-Хенрик) Ребиндер (1777–1841). В 1808 г. участник депутации к Александру I, в 1809 г. депутат Сейма в Борго, тогда же перешедший на российскую службу, в 1811 г. он был приглашен в Петербург в Комиссию финляндских дел, определен статс-секретарем и помощником Г. М. Армфельта. С марта 1813 г., после назначения последнего состоять при Александре I, все управленческие функции по Финляндии перешли к Ребиндеру. Во время студенческих беспорядков в Турку осенью 1819 г. статс-секретарь пытался остановить распространение в княжестве немецких и шведских национально-патриотических идеалов и языка. Считая, что им должны быть противопоставлены финский язык и финское национальное самосознание, направленное на сближение с Российской империей, он подчеркивал, что «наступило время, когда финны пытаются оформить свою национальность... Эта национальность должна быть присуща свободному и законопослушному народу, но при этом она также должна сближаться со страной, под покровительством которой мы находимся, и которая до сих пор делает нам добро»⁴⁶. Зная Ребиндера по делам Абоского университета, Николай I его ценил и в день своей коронации — 22 августа 1826 г. — пожаловал графом Великого княжества Финляндского. 23 декабря 1834 г. Ребиндер первым среди финских администраторов получил статус министра статс-секретаря и все время своей министерской деятельности играл важную роль в решении сложнейших социально-политических проблем края, будь то объединение Старой и Новой Финляндии, проект переезда университета в Хельсинки или формирование финляндской национальной идеологии в рамках теории официальной народности⁴⁷.

Р. И. Ребиндера сменил сын Г. М. Армфельта — граф Александр Густавович Армфельт (1794–1875). Вступив в службу в 1814 г. чиновником при финляндском генерал-губернаторе Ф. Штейнхеле, с 1827 по 1831 г. он возглавлял Финляндский банк, а 20 апреля 1832 г. перешел на службу в статс-секретариат Великого княжества Финляндского. Состоя вначале чиновником по особым поручениям, а с 6 декабря 1835 г. — товарищем Ребиндера, после его смерти 5 марта 1841 г. стал министром статс-секретарем. Начало министерской деятельности младшего Армфельта пришлось на эпоху, когда в Финляндии наиболее отчетливо проявилось себя общественное движение, получившее название «фенномании». Начавшееся после присоединения края к России в 1809 г. в виде романтического, филантропического концепта в духе идей европейского Просвещения, к началу 1860-х гг. оно превратилось в радикальную партию⁴⁸. В этой ситуации Армфельт, находясь в постоянной близкой связи с императорами — Николаем I и Александром II, стремился к сохранению социально-политической стабильности в княжестве путем расширения его государственно-правовой автономии. Когда в начале второго Польского восстания в финляндском обществе стали проявляться радикальные тенденции, 18 сентября 1863 г. по его инициативе был учрежден классический четырехпалатный Сейм. 4 июня 1864 г., в связи с пятидесятилетним юбилеем службы А. Г. Армфельта Александр II, препровождая ему бриллиантовую табакерку со своим портретом, подчеркивал: «Принимая участие во всех делах по управлению Великого княжества Финляндского, вы своим знанием края и своею опытностию весьма много содействовали к осуществлению... блага и счастья Финляндии»⁴⁹.

Выдающийся государственный деятель Финляндии Лаврентий Гаврилович (Ларс Габриель) Гартман (1789–1859), с 1826 по 1830 г. являвшийся помощником Ребиндера, внес большой вклад не только в общественную и культурную жизнь Финляндии первой половины XIX в., но и в процесс сближения финляндских и российских государственных институтов. С 23 апреля 1841 г. начальник финансов и вице-председатель Хозяйственного департамента финляндского Сената, Гартман в начале 1840-х гг. при поддержке министра финансов Е. Ф. Канкрин, генерал-губернатора А. С. Меншикова и А. Г. Армфельта провел экономическую реформу, направленную на развитие национальной экономики и промышленности путем дистанцирования промышленной, финансовой и таможенной политики Финляндского княжества от Швеции, прекращения использования шведской руды в финляндской железоделательной промышленности, утверждения российского серебряного рубля как законного платежного средства и приближения таможенных тарифов к имперским. По существу, финляндский «премьер-министр», Гартман, будучи приверженцем принципа культурно-экономического процветания Финляндии, но без политики, с восшествием на престол Александра II стал преданным сторонником имперского видения развития края. «Подлинная конституция Финляндии — это культура и нравственная сила его жителей», — считал он⁵⁰.

Константин Карлович Линдер (1836–1908) вошел в российскую придворную сферу уже в 1874 г., когда был пожалован в камергеры, в 1891 г. — в егермейстеры, в 1907 г. — обер-егермейстеры Двора его императорского величества. В 1900–1903 гг. вице-президент Хозяйственного департамента финляндского Сената, Линдер с 5 января по 15 декабря 1905 г. являлся министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского. Его недолгая министерская карьера пришлась на начало Первой русской революции и связанную с ней «политическую мобилизацию» в Финляндии, находившую выражение в стычках толпы с полицией и демонстрациях в январе — феврале 1905 г. за расширение избирательного права и введение неограниченной автономии. Эскалация национального вопроса в правительственных сферах и общественном мнении княжества началась еще на рубеже XIX–XX вв. Назначенный в 1898 г. военным министром генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин, считая, что армейская система должна быть единой во всей империи, внес на рассмотрение финляндского Сената и Сейма проект нового закона о воинской повинности в Финляндии. В том же году его ставленник генерал-адъютант Н. И. Бобриков стал генерал-губернатором края. Это назначение, рассматриваемое в княжестве в тесной связи с разработкой нового военного закона, вызвало сопротивление и резко отрицательную позицию Сената, а в 1899 г. — Сейма. К этому прибавлялся русификаторский процесс в официальном делопроизводстве. Манифест от 20 июня 1900 г. утвердил использование русского языка на уровне высшего управления, прежде всего в Сенате и ведомстве министра статс-секретаря, а в 1902 г. — во всех учреждениях местной власти. Радикализация общественных настроений, обусловившая убийство в 1904 г. генерал-губернатора Бобрикова, нашла продолжение во время революции 1905 г., когда террористы застрелили жандармского подполковника Крамаренко и попытались убить Выборгского губернатора П. Н. Мясоедова. В этой ситуации и в связи с обнаружением манифеста 17 октября 1905 г. Линдер и новый генерал-губернатор кн. И. М. Оболенский, считая, что нужен либеральный законодательный акт относительно Финляндии, подготовили проект высочайшего манифеста, сущность которого заключалась в обещаниях большего расширения финляндской конституции и автономии. Однако в дискуссии конца 1905 — начала 1906 г. о государственно-правовом статусе Финляндского княжества при подготовке Основных государственных законов Российской империи они не принимали участия, так как были уволены от должностей⁵¹.

Негативная реакция финляндского общества на назначение Бобрикова во многом была связана с популярностью в Финляндии Николая Владимировича Адлерберга (1819–1892), младшего сына В. Ф. Адлерберга и брата А. В. Адлерберга. Его долговременная и позитивная деятельность на посту высшего администратора края началась 20 апреля 1866 г., когда Александр II, стремясь предотвратить развитие сепаратистских тенденций (как в Польше) и создать сильную исполнительную власть в княжестве, назначил его финлянд-

ским генерал-губернатором. Новый губернатор, главной задачей деятельности которого являлось развитие Финляндии при соблюдении экономических, политических и военных интересов России⁵², пятнадцать лет управлял краем совместно с местной сенатской и сеймовой элитой и был уволен от должности 22 мая 1881 г. по болезни.

Военно-административная элита Финляндии

Наиболее благоприятные возможности для успешного служебного роста представителей высшего сословия Финляндии давала военная служба в России. Военный инженер, специалист в области фортификации, создатель оригинальной системы защиты крепостей, инициатор и руководитель создания военнотопографической карты Российской империи Петр Корнильевич (Ян Петер ван) Сухтелен (1751–1836) был приглашен на русскую службу в царствование Екатерины II, в 1783 г., дослужился до звания генерал-лейтенанта и чина инженер-генерала. Назначенный 30 июня 1801 г. генерал-квартирмейстером, а затем инспектором Инженерного департамента, в 1802–1809 гг. он управлял Свитой его императорского величества по квартирмейстерской части. В кампании против шведов являлся генерал-квартирмейстером российской армии в Финляндии и путем переговоров добился капитуляции Свеаборга. По окончании военных действий, в 1809–1812 гг., состоял при Шведском дворе и выполнял особые дипломатические поручения российского правительства, способствовал заключению русско-шведского военного союза в условиях приближающейся войны с Францией. Надо думать, именно с этим связано его назначение 3 декабря 1811 г. членом Государственного совета. С 1816 г. в должности чрезвычайного посланника и полномочного министра в Швеции жил в Стокгольме⁵³.

Внук шведского дворянина Павел Христофорович Граббе (1789–1875) также совмещал военную и дипломатическую деятельность. Участник кампании против французов 1805–1807 гг., в 1810–1811 гг. он состоял при российской миссии вначале в Мюнхене, затем Берлине в качестве военного атташе. В Отечественной войне 1812 г. и европейском походе русской армии участвовал во всех важнейших сражениях, осаде и взятии Парижа. С 1816 г. — полковник, командир Лубенского гусарского полка, в 1818 г. Граббе был принят в Союз благоденствия, а в 1821 г. — в Общество Московского съезда. Арестованный 18 декабря 1825 г., после четырехмесячного содержания в Петропавловской крепости был освобожден. В царствование Николая I сделал блестящую военную карьеру. Герой русско-турецкой войны, в 1829 г. за взятие Рахова получил чин генерал-майора. В Польской кампании участвовал во всех главных битвах, в том числе в штурме Варшавы. В чине генерал-лейтенанта с 1838 по 1842 г. был командующим войсками на Кавказской линии, храбро сражался в Дагестане и Чечне, командовал особым чеченским отрядом. В марте 1849 г. командирован в Константинополь с секретным дипломатическим поручением, а затем

назначен командиром отряда в Венгерском походе. Во время Крымской войны с декабря 1854 по апрель 1856 г. в чине генерала от кавалерии был ревельским военным губернатором и командующим войсками в Эстляндии⁵⁴.

Крымская война на территории Финляндии проявила верность Российской империи со стороны как финляндской армии, так и ее военачальников. В ночь с 19 по 20 мая 1854 г., когда англо-французская эскадра появилась у берегов княжества, стремясь захватить крепости на Аландских островах и о. Ханко, преграждавшие путь к Петербургу, первый отпор союзникам был дан российским артиллерийским отрядом с участием финляндских бойцов под командованием генерал-лейтенанта А. Э. Рамзая. В августе того же года он руководил обороной Абоского залива во главе 2-го Финляндского флотского экипажа, а во время бомбардировки Свеаборга, начавшейся 9 августа 1855 г. и длившейся 46 часов, командовал правым флангом оборонной линии, за что был пожалован чином генерала от инфантерии российских войск⁵⁵. Национальный герой Финляндии Андрей Эдуардович (Андерс Эдвард) Рамзай (1799–1877) участвовал во всех важнейших сражениях кампании против французов 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1829–1831 гг. был командиром знаменитого Финляндского стрелкового батальона, участвовал в подавлении первого и второго Польских восстаний, бунта Гёргея в Венгрии в 1849 г. В связи с полувековым юбилеем его службы России Александр II, жалую генералу орден Андрея Первозванного, в своем рескрипте от 30 ноября 1875 г. подчеркивал: «В продолжение более полувекового доблестного служения вашему Престолу и Отечеству, вы приобрели право на особое монаршее к вам внимание неутомимую полезною деятельностью, как во время военных действий, участвуя во многих битвах, так и в мирное время, командуя различными значительными частями войск»⁵⁶.

Боевым офицером финляндских войск в Крымскую войну был и Оскар Казимирович (Оскар Фердинанд) Гриппенберг (1838–1915). Прошедший служебный путь от унтер-офицера до генерала от инфантерии, с 11 сентября 1904 по 12 марта 1905 г. он командовал 2-й Маньчжурской армией, во время русско-японской войны возглавлял российские войска в крупном наступлении при Сандепу. Однако соперничество с главнокомандующим армией на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткиным и несоответствие их взглядов привели к тому, что 17 января 1905 г. он подал в отставку. Но вскоре Гриппенберг получил новую должность генерал-инспектора всей пехоты, которую исполнял до 23 марта 1906 г.⁵⁷

Заключение

Назначение в разные периоды истории России членами Государственного совета, главами важнейших российских министерств — иностранных дел, военного и морского, императорского двора, народного просвещения — представителей высшей бюрократии Финляндии обуславливалось всякий раз не ин-

дивидуальным выбором, а правительственным курсом и кадровой политикой, которая включала как объективный фактор — формально-юридические инструкции и положения, так и субъективный — эффективные бюрократические способности чиновников-финнов и неформальные личные отношения и предпочтения представителей царствующей династии.

Весь XIX — начало XX в. характеризуются движением навстречу друг другу российской имперской власти и представителей финляндской управленческой элиты, в основе которого лежала тенденция на сближение Финляндии и России, финского и российского общества. И хотя масштабного сближения не произошло в силу культурно-традиционалистских и вероисповедных различий, а также отсутствия единой законодательной базы, сохранявшиеся весь имперский период «замороженный конституционализм» и особое положение Финляндии способствовали тому, что ее высшая бюрократия и военная элита верно служили России. При этом пророссийская позиция и приверженность имперской политике со стороны сановников и военачальников шведско-финского происхождения отражали в целом лояльность и верность финнов Российской империи.

Государственные деятели шведско-финского происхождения занимали разные административные и военно-административные посты, их роль в государственном управлении была различна, но не вызывает сомнений тот факт, что, будучи посредниками между имперской властью, российскими и шведско-финскими элитами, они служили как Финляндии, так и России.

¹ *Lincoln W. B.* In the Vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Illinois, 1982; *Дубенцов Б. Б., Куликов С. В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX — XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века: Сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 63–86. *Шепелев Л. Е.* 1) Чиновный мир России. XVIII–XX в. СПб., 1999; 2) Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007.

² *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» — новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 1 (11). С. 36–43; *Управленческая элита Российской империи: история министерств. 1802–1917.* СПб., 2008.

³ *Клинг М.* 1) Имперская Финляндия. СПб., 2005; 2) На чужбине и дома. СПб., 2005; *Юссилла О.* Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009.

⁴ *Юссилла О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1999. С. 49; *Высочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 398–407.

⁵ *Клинг М.* На чужбине и дома. С. 20–21; *Андреева Т. В.* Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 52–78.

- ⁶ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 126–141.
- ⁷ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018. С. 50, 107–110, 157–163.
- ⁸ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 33–39, 461, 462; Выскочков Л. В. Будни и праздники Императорского двора. СПб., 2012. С. 61–77.
- ⁹ РГИА. Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета). Оп. 6. Д. 3. Л. 16–18; Д. 4. Л. 8–12.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 445. Л. 16.
- ¹¹ Там же. Л. 3, 12; Д. 576. Л. 9–10.
- ¹² Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л., 1984. С. 273–279; Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 521–522; Бородин А. П. Государственный совет России. (1906–1917). Киров, 1999. С. 11–12.
- ¹³ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 43, 49–63.
- ¹⁴ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 204–220; Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 441–443; Куликов С. В. «Справедливое возмездие государю». Назначенные члены Государственного совета в конце февраля — начале марта 1917 г. // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: Сборник статей памяти М. М. Шумилова. СПб., 2004. С. 254–258.
- ¹⁵ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 43, 63–76, 262, 270, 271.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 444. Л. 1–4.
- ¹⁷ Там же. Д. 4. Л. 2.
- ¹⁸ Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей бюрократии во второй половине XIX — начале XX в. С. 64, 70.
- ¹⁹ Кунавин К. С. Факторы карьерного роста представителей высшей бюрократии Российской империи. Российской империи в 30-х — 80-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 15–17.
- ²⁰ Ф. 1343 (Департамент герольдии Правительствующего Сената). Оп. 29. Д. 6571. Л. 1–39.
- ²¹ Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX в. С. 68.
- ²² Записка Н. А. Жеребцова «Об устройстве министерств вообще и Министерства финансов в особенности» (15 февраля 1856 г.) / Подг. Т. В. Андреева, Б. Б. Дубенцов // Английская набережная, 4. Вып. 4. СПб., 2004. С. 364.
- ²³ Шилов Д. Н. Министр и министерство: практика и стили работы руководителей ведомств // Английская набережная, 4. Вып. 4. СПб., 2004. С. 314, 315, 317.
- ²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. 2000. С. 210–211.
- ²⁵ Управленческая элита российской империи. С. 71–72.
- ²⁶ От Свеаборга до Новгорода. Своеручные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809 / Подг. Г. М. Коваленко. Новгород, 2014. С. 163.
- ²⁷ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 140.
- ²⁸ Управленческая элита Российской империи. С. 540, 541, 546; Выскочков Л. В. 1) Будни и праздники Императорского двора. С. 31–32; 2) Николай I и его эпоха. С. 378–379, 745–746.
- ²⁹ Власть и реформы. С. 341–346, 367.
- ³⁰ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 47, 117, 255.
- ³¹ Цит. по: Шилов Д. Н. Министр и министерство. С. 320.
- ³² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 254–258.

- ³³ Головин А. В. Записки для немногих / Отв. сост. и отв. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 220.
- ³⁴ Власть и реформы. С. 374, 382.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 364. Л. 53 — 53 об.
- ³⁶ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 481–484.
- ³⁷ Власть и реформы. С. 482, 487, 511; Управленческая элита Российской империи. С. 562, 611.
- ³⁸ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 483; Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 244.
- ³⁹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 607–608.
- ⁴⁰ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 686, 862, 870.
- ⁴¹ Шилов Д. Н. Министр и министерство. С. 313.
- ⁴² РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 262. Л. 21 — 21 об.
- ⁴³ НИА СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 198/1. Л. 1–3.
- ⁴⁴ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 38–39.
- ⁴⁵ Император Александр I и граф Армфельд (1811–1812 гг.) // Русская старина. 1896. № 10. С. 139–147.
- ⁴⁶ Цит. по: Клинге М. Имперская Финляндия. С. 76.
- ⁴⁷ Там же. С. 91, 96, 103.
- ⁴⁸ Колесников Д. Е. Становление фенномании в Российской империи (1810-е — начало 1860-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. С. 1–24.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 17. Л. 21 — 22 об.
- ⁵⁰ Клинге М. Имперская Финляндия. С. 126–131, 147–156, 211, 227, 350.
- ⁵¹ Там же. С. 381, 387–392, 404–406, 422–423, 459–462.
- ⁵² Там же. С. 31, 253–260.
- ⁵³ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 768–799.
- ⁵⁴ Там же. С. 231–235.
- ⁵⁵ Клинге М. Имперская Финляндия. С. 194–195, 202–203; Кауптала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 200–201, 203–204.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 440. Л. 45 — 45 об.
- ⁵⁷ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 246.

References

- ANDREEVA T. V. *Nikolay I i finlyandskiy vopros. 1830–1831 gg.* [Nicholas I and the Finnish question. 1830–1831. In Russ.] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2015. No. 2 (06). S. 52–78.
- BORODIN A. P. *Gosudarstvennyy sovet Rossii. (1906–1917)* [State Council of Russia. 1906–1917. In Russ.]. Kirov, 1999.
- DUBENTSOV B. V., KULIKOV S. V. *Sotsial'naya evolyutsiya vysshey tsarskoy byurokratii vo vtoroy polovine XIX XX v. (Itogi i perspektivy izucheniya)* [Social evolution of the highest tsarist bureaucracy in the second half of the 19th–20th (Results and perspectives of the study). In Russ.] // *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX–XX veka. Sbornik statey pamyati V. S. Dyakina i YU. B. Solov'yeva*. St. Petersburg, 1999. S. 63–86.
- JUSSILA O. *Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye, 1809–1917* [The Grand Duchy of Finland, 1809–1917. In Russ.]. Helsinki, 2009.
- JUSSILA O., HENTILA S., NEVAKIVI Y. *Politicheskaya istoriya Finlyandii. 1809–1995* [Political history of Finland. 1809–1995. In Russ.]. Moscow, 1999.

KAUPPALA P. *Aleksandr II i pod"yem finlyandskoy avtonomii: otzvuki Krymskoy voyny* [Alexander II and the rise of Finnish autonomy: echoes of the Crimean War. In Russ.] // Aleksandr II. Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey. St. Petersburg, 2012. S. 195–213.

KLINGE M. *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland. In Russ.]. St. Petersburg, 2005.

KLINGE M. *Na chuzhbine i doma* [In a foreign land and at home. In Russ.]. St. Petersburg, 2005.

KOLESNIKOV D. Ye. *Stanovleniye fennomanii v Rossiyskoy imperii (1810-ye — nachalo 1860-kh gg.)* [Formation of phenomany in the Russian Empire (1810s — early 1860s.). In Russ.]. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2019. S. 1–24.

Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917 [The crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. In Russ.] / Otv. red. V. S. Dyakin. Leningrad, 1984.

KULIKOV S. V. *Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii i Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye v 1905–1906 gg.: diskussii o gosudarstvenno-pravovom statuse Finlyandii pri podgotovke Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov 1906 g.* [Bureaucratic elite of the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland in 1905–1906: discussions on the state and legal status of Finland in the preparation of the Basic State Laws of 1906. In Russ.] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2017. No. 1 (13). S. 126–141.

KULIKOV S. V. *“Spravedlivoye vozmezdiye gosudaryu”. Naznachennyye chleny Gosudarstvennogo soveta v kontse fevralya — nachale marta 1917 g.* [“Fair retribution to the sovereign”. Appointed members of the State Council in late February — early March 1917. In Russ.] // Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvennost' v istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya Rossii. Sbornik statey pamyati M. M. Shumilova. St. Petersburg, 2004. S. 254–258.

KUNAVIN K. S. *Faktery kar'yernogo rosta predstaviteley vysshey byurokratii Rossiyskoy imperii. Rossiyskoy imperii v 30-kh — 80-kh gg. XIX veka* [Career growth factors for representatives of the highest bureaucracy of the Russian Empire. Russian Empire in the 30s–80s 19th century. In Russ.]. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2017.

LINCOLN W. B. *Avangard Reform: Rossiyskie Prosveshchemye Byurokraty. 1825–1861* [In the Vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. In English.]. Illinois, 1982.

RUZHITSKAYA I. V. *Gosudarstvennyy sovet pri Nikolaye I: osobnosti funktsionirovaniya* [State Council under Nicholas I: features of functioning. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2018.

SHILOV D. N. *Ministr i ministerstvo: praktika i stili raboty rukovoditeley vedomstva* [Minister and ministry: practice and work styles of department heads. In Russ.] // Angliyskaya naberezhnaya, 4. Vyp. 4. St. Petersburg, 2004. S. 311–332.

Upravlenskaya elita Rossiyskoy imperii: istoriya ministerstv. 1802–1917 [The Administrative Elite of the Russian Empire: History of Ministries. 1802–1917. In Russ.]. St. Petersburg, 2008.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoy k sovetskoy Rossii [Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia. In Russ.] / Otv. red. B. V. Anan'ich. St. Petersburg, 1996.

VYSKOCHKOV L. V. *Budni i prazdniki Imperatorskogo Dvora* [Everyday life and holidays of the Imperial court. In Russ.]. St. Petersburg, 2012.

VYSKOCHKOV L. V. *Nikolay I i yego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX veka* [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Андреева. На службе России: государственные деятели шведско-финского происхождения в XIX — начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 82–107

Аннотация: В статье рассмотрены политические и служебные биографии сановников — выходцев из Финляндии, являвшихся в XIX — начале XX в. членами Государственного совета, изучены факторы их карьерного роста в структуре административных институтов Российской империи, выявлены основные принципы кадровой политики имперской власти в контексте высшей финляндской бюрократии, определены социально-политические обоснования ее службы России. Продемонстрировано, что назначение в разные периоды истории России членами Государственного совета, главами важнейших российских министерств представителей высшей бюрократии Финляндии обуславливалось как объективными политическими процессами, связанными с особой финляндской имперской политикой, так и субъективными предпочтениями и личными отношениями представителей царствующей династии.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, имперская политика, финляндская высшая бюрократия, служебные и политические биографии, факторы карьерной динамики.

FOR CITATION

T. V. Andreeva. In the service of Russia: statesmen of Swedish-Finnish origin in the 19th – early 20th centuries // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2022, pp. 82–107

Abstract: The article examines the political and official biographies of dignitaries – immigrants from Finland, who were in the 19th – early 20th centuries members of the State Council, studied the factors of their career growth in the structure of administrative institutions of the Russian Empire, identified the main principles of the personnel policy of the imperial government in the context of the highest Finnish bureaucracy, determined the socio-political rationale for its service in Russia. It has been demonstrated that the appointment of representatives of the highest bureaucracy of Finland in different periods of Russian history as members of the State Council, heads of the most important Russian ministries, was determined by both objective political processes associated with a special Finnish imperial policy and subjective preferences and personal relationships of representatives of the reigning dynasty.

Key words: Russian Empire, Grand Duchy of Finland, imperial policy, Finnish higher bureaucracy, service and political biographies, factors of career dynamics.

Автор: Андреева, Татьяна Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Author: Andreeva, Tatiana Vasilievna — Doctor in History, Leading Researcher, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History.